

~~УЧЕБНИК
ПО ФИЛОСОФИИ~~

КЪ ВОПРОСУ

О ВВЕДЕНИИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ

ПРОПЕДЕВТИЧЕСКАГО КУРСА

ФИЛОСОФІИ.

П. Кудрявцева.

К И Е В Ъ.

Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.

1905.

4/4-1

37 (69)
1C 88

КЪ ВОПРОСУ

О ВВЕДЕНИИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ

ПРОПЕДЕВТИЧЕСКАГО КУРСА

ФИЛОСОФІИ.

П. Кудрявцева.

КІЕВЪ.

Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.

1905.

34(09)
К88

КІЕВОВСЬКА

О ВІДЕНИН ВІД ТУМНАНІЯ ПІД

АДРЕС СТАЖЕРІВ АКАДЕМІИ

Печатать дозволяется. 7 января 1905 г.

Ректоръ Кіевской Духовной Академіи Епископъ Платонъ

Документ

1905

Труды Кіевской Духовной Академіи. № 1. 1905

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. Дух. Академіи». № 1, 1905 г.

— 9 —

Къ вопросу о введеніи въ гимназіяхъ пропедевтическаго курса философії.

По поводу замѣтки г. А. Гилярова „Философская пропедевтика въ гимназіяхъ“ („Кievлянинъ“, 1904 г., № 331).

Вопросъ о введеніи въ гимназіяхъ пропедевтическаго курса философії, поставленный на очередь Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, требуетъ серьезнаго и всестороннаго обсужденія. Дѣло это у насъ настолько новое, что приходится думать не только надъ тѣмъ, *что* преподавать изъ области философії въ средней школѣ, но и о томъ, *кому* именно поручить самое преподаваніе, потому что наши университеты, гдѣ философія преподается на историко-филологическомъ факультетѣ и лишь отчасти на юридическомъ (философія права, исторія философіи права), выпускаютъ слишкомъ мало лицъ съ специальнно-философскимъ образованіемъ. Оказывается, такимъ образомъ, что вопросъ о введеніи философії въ курсъ гимназического преподаванія не изъ такихъ, которые можно рѣшать сплеча, а потому нельзя не привѣтствовать каждую попытку, направленную къ освѣщенію этого практически важнаго дѣла.

Въ 331 № „Кievлянина“ за 1904 г. появилась коротенькая замѣтка профессора философії въ Кіевскомъ университѣтѣ А. Н. Гилярова, посвященная вопросу о преподаваніи философской пропедевтики въ гимназіяхъ. Своимъ рѣзкимъ то-

номъ, рѣшительными приговорами, яркими фактическими иллюстраціями, замѣтка, подписанная къ тому же именемъ, не безъизвѣстнымъ въ кругахъ, заинтересованныхъ судьбами философіи въ Россіи, не могла не произвести впечатлѣнія на читателей, склонныхъ поддаваться скорѣе силѣ первоначального впечатлѣнія, нежели силѣ ясно сознанныхъ и критически пропроверенныхъ доводовъ. Однако здѣсь гипнозу не мѣсто: рѣшеніе вопроса надо предоставить не возбужденнымъ нервамъ, а ясному сознанію, дающему отчетъ въ своихъ переживаніяхъ. Критически пропроверенные факты и строгая логика—вотъ что нужно для уясненія дѣла. Пользуясь этими испытанными средствами, постараемся разобраться въ содержаніи замѣтки г. Гилярова.

Разумѣется, профессоръ философіи Гиляровъ ни на минуту не сомнѣвается въ общеобразовательномъ значеніи курса философской пропедевтики: „изъ всѣхъ общеобразовательныхъ курсовъ онъ быль бы наиболѣе общеобразовательнымъ и при надлежащей постановкѣ расширилъ бы умственный кругозоръ учащихся и поднялъ (бы) ихъ умственный уровень; но у насъ, въ Россіи, при современныхъ условіяхъ,—полагаетъ профессоръ,—такая постановка невозможна“, а потому если бы мы и ввели въ своихъ гимназіяхъ преподаваніе философіи, то оно повело бы „только къ вящему лицемѣрію и помраченію“: „пожалуй, пришлось бы подъ именемъ философіи питать учениковъ какими-нибудь умственными отбросами непригодныхъ учителей, какой-либо пустомысленной падалью“. При такихъ условіяхъ лучше совсѣмъ не начинать дѣло философской пропедевтики: лучше никакой пищи, чѣмъ „пустомысленная падаль“, преподносимая „непригодными учителями“. Таковъ тезисъ, защищаемый г. Гиляровымъ.

Что же это за условія, препятствующія введенію философской пропедевтики въ курсъ гимназического образованія? Это, во-первыхъ, отсутствіе въ нашей средней школѣ

свободы преподаванія, въ особенности необходимой для преподаванія философіи, потому что „въ философіи нѣтъ ничего установленного и законченного, она всецѣло плодъ личнаго міропониманія, основанного на свободной критикѣ всей вообще дѣйствительности и на столь же свободномъ творчествѣ, и не ставить себѣ никакихъ другихъ цѣлей, кроме исканія истины“; во-вторыхъ— недостатокъ правоспособныхъ преподавателей философіи среди лицъ, получившихъ университетское образованіе. Министерство народнаго просвѣщенія, въ виду отмѣченаго недостатка, проектируетъ поручать преподаваніе философской пропедевтики въ гимназіяхъ „лицамъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“, но проф. Гилярову такого рода преподаватели представляются крайне нежелательными. Къ сожалѣнію, желчное настроеніе помѣшало г-ну Гилярову отчетливо изложить тѣ основанія, на которыхъ онъ опирается въ своеіъ взглѣдѣ на академистовъ. Насколько можно проникнуть въ смыслъ его выраженій, чрезъ мѣру сдобренныхъ не столько мѣткой, сколько туманной ироніей, онъ ужасно боится того, какъ бы преподаватели философіи изъ академистовъ не попали въ своеіъ преподаваніи „стезею духа“, а „духовная“ философія,— по словамъ автора,— хотя и очень почтенная, однако совсѣмъ не та, что свѣтская. Впрочемъ, при всей своей почтенности, она— черезъ своихъ adeptovъ— способна напитать учащихся „умственными отбросами“ да „пустомысленной падалью“. Нечего сказать, почтенная философія!!...

Обсужденіе аргументовъ проф. Гилярова, направленныхъ противъ мысли о введеніи преподаванія философіи въ гимназической курсъ, значительно бы упростилось, если бы авторъ точно опредѣлилъ, что именно онъ разумѣетъ подъ философской пропедевтикой, какъ это сдѣлалъ профессоръ Челпановъ въ своемъ докладѣ „о преподаваніи философской пропедевтики въ средне-учебныхъ заведеніяхъ“, прочитан-

номъ 18-го ноября 1904 г. въ Кіевскомъ Обществѣ клас-
сической филологии (съ содержаніемъ этого доклада знако-
мить г. Величковскій въ № 12 „Юго-Западной Недѣли“ за
1904 г.). Къ сожалѣнію, въ замѣткѣ проф. Гилярова нѣтъ
рѣчи о содержаніи и объемѣ философской пропедевтики, какъ
учебнаго предмета. Между тѣмъ такая рѣчь была бы далеко
не лишнею при обсужденіи затронутаго профессоромъ во-
проса: тогда выяснилось бы, что у насть рѣчь не о внуше-
ніи учащимся опредѣленнаго міросозерцанія, а лишь о под-
готовкѣ ихъ къ работѣ надъ философскими вопросами, ко-
торые порою даютъ о себѣ знать очень впечатлительно. Едва ли
нужно много говорить о томъ, что міросозерцаніе не дается
со стороны въ готовомъ видѣ, а вырабатывается (конечно,
болѣе или менѣе самостоятельно) собственными усилиями
извѣстнаго лица, такъ что преподаваніе философіи—и это
не только гимназическое, но и университетское—имѣть
свою главною задачею возбуждать и дисциплинировать фило-
софскую мысль, указывая ей тѣ пути, по которымъ она мо-
жетъ направляться, и тѣ приемы, которыми она можетъ
пользоваться. Въ особенности это нужно сказать о гимна-
зическомъ преподаваніи: вѣдь это первые шаги въ занятіи
философіей. Едва ли можно серьезно говорить о томъ, что
они приведутъ шестнадцатилѣтняго юношу къ опредѣлен-
ному и законченному міропониманію. Достаточно того, если
на этой ступени учащіеся уразумѣютъ смыслъ и зна-
ченіе философскихъ *проблемъ*, какъ проблемъ содержа-
тельныхъ и жизненныхъ, познакомятся съ главнѣйшими *на-
правленіями* въ решеніи этихъ проблемъ, освоются съ фи-
лософской *терминологіей* и съ основными *приемами* фило-
софскаго мышленія. Тогда для нихъ будетъ гораздо про-
изводительнѣе и университетское преподаваніе философіи, и
самостоятельное ознакомленіе съ произведеніями философской
литературы. Тогда они не будутъ въ этомъ дѣлѣ такими без-
помощными, какъ нерѣдко это случается теперь. Указанной цѣли

должны служить логика и систематический обзоръ главнѣйшихъ направлений въ рѣшеніи основныхъ философскихъ проблемъ (на Западѣ въ настоящее время такой обзоръ дается обыкновенно въ т. наз. „введеніи въ философию“, — терминъ, впрочемъ, крайне неопределенный: Паульсенъ въ своемъ „Введеніи въ философию“ даетъ цѣлую философскую систему, Вундтъ больше всего отводитъ мѣста историческому обзору философскихъ направлений, „Введеніе“ Кюльпе ближе всего подходитъ къ проектируемому нами „обзору“). А такъ какъ уразумѣніе философскихъ понятій и логическихъ приемовъ совершенно невозможно безъ предварительного ознакомленія съ жизнью сознанія, то къ указаннымъ дисциплинамъ необходимо еще присоединить *психологію*. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о составѣ курса философской пропедевтики мы примыкаемъ ко взгляду профессора Челпанова. На основаніи собственного четырехлѣтняго опыта преподаванія философскихъ наукъ въ духовной семинаріи прибавимъ, что для болѣе или менѣе успѣшнаго усвоенія намѣченного курса потребуется не меныше 5 уроковъ въ недѣлю. При тѣхъ скромныхъ задачахъ, которыя мы ставимъ преподаванію философской пропедевтики, едва ли можно опасаться, что оно разовьетъ въ учащихся верхоглядство: преподавателю философіи достаточно не быть полнымъ невѣждой въ этой области, чтобы внушить учащимся ту мысль, что изученiemъ философской пропедевтики они лишь подготовляются къ дальнѣйшимъ занятіямъ, что большая и главная часть работы впереди. Разъ ученикъ оставитъ школу съ этимъ сознаніемъ — онъ на хорошемъ пути. Правда, онъ еще не мудрецъ, пот. что у него нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, но онъ и не невѣжда, не верхоглядъ, пот. что онъ сознаетъ незаконченность своего философскаго образованія, пот. что онъ стремится къ работе надъ философскими вопросами: это — юный любитель мудрости, юный „философъ“, который долженъ быть особенно дорогъ искреннимъ

друзьямъ философії (ср. Платона „Пиръ“ 203 Е слд.). Побольше бы такихъ юношей!... Если такому юношѣ удастся продолжить свои занятія философіей въ высшей школѣ, то, ко взаимному удовольствію профессора и студента и къ явной пользѣ для дѣла, имъ не придется тратить дорогое времени на ознакомленіе съ элементами логики и психологіи да на уясненіе философской терминологіи: все это уже сдѣлано въ средней школѣ... Иное дѣло, если задачей преподаванія философіи въ средней школѣ поставить окончательную выработку опредѣленного философскаго міросозерцанія: тогда, пожалуй, можно опасаться и верхоглядства, потому что о самостоятельномъ міросозерцаніи семнадцатилѣтняго юноши можно говорить лишь иронически (не всѣ же вѣдь мы Шеллинги, однако и сочиненіе геніального юноши Шеллинга о миѳахъ было лишь первой ступенью его философскаго развитія), а *jugare in verba magistri*, уже выработавшаго себѣ опредѣленное міроопониманіе,—въ этомъ толку мало...

Если мы будемъ трактовать о философской пропедевтицѣ въ томъ объемѣ и смыслѣ, какіе указаны выше, тогда, можетъ быть, найдемъ въ ея составѣ и кое-что прочно установленное: таково, напр., содержаніе формальной логики, таковы многія обобщенія эмпірической психологіи, таковъ формальный смыслъ главнѣйшихъ философскихъ понятій, да и при систематическомъ обзорѣ основныхъ философскихъ направлений необходимо держаться исторической почвы, а эта почва не зыбкая. Конечно, совершенно избѣжать въ преподаваніи философской пропедевтики проведенія черезъ всѣ ея части опредѣленного и, слѣд., спорнаго философскаго направленія для учителя, въ философскомъ отношеніи установившагося, невозможно, мало того: неопределенность и безцвѣтность въ преподаваніи философіи рѣшительно нежелательны по самому существу дѣла, потому что при отсутствіи руководящей

точки зре́нія курсъ не имѣлъ бы органическаго единства (въ этомъ пункте нельзя не согласиться съ проф. Гиляровымъ). Вѣрно и то, что при отсутствіи у насъ полной свободы преподаванія нѣкоторымъ лицамъ не пришлось бы брать на себя преподаванія философіи въ гимназіяхъ (такъ въ свое время Спиноза не нашелъ для себя возможнымъ занять философскую каѳедру въ Гейдельбергскомъ университѣтѣ), и все-таки мы не находимъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію проф. Гилярова о преждевременности введенія философской пропедевтики въ гимназической курсъ.

Вопросъ о свободѣ преподаванія въ средней школѣ— вопросъ въ высшей степени сложный и трудный, и мы въ настоящій разъ не находимъ возможнымъ входить въ его обсужденіе,—тѣмъ болѣе, что и рѣчь-то у насъ идетъ о возможности преподаванія философіи въ гимназіяхъ *при существующихъ условіяхъ*. Отнюдь не идеализируя этихъ условій, мы тѣмъ не менѣе, вопреки профессору Гилярову, полагаемъ, что и при существующихъ условіяхъ возможно преподаваніе философской пропедевтики въ гимназіяхъ. Дѣло въ томъ, что вѣдь свобода научного изслѣдованія необходима не только для философа, но и для историка, и для естествоиспытателя, а потому и условія, ограничивающія свободу преподаванія (подчеркиваемъ: преподаванія, а не изслѣдованія), одинаково стѣснительны какъ для преподавателя философіи, такъ и для преподавателей другихъ предметовъ, за исключеніемъ развѣ чистой математики (въ силу ея чисто формального характера). Я готовъ даже сказать, что преподаватель исторіи находится въ отношеніи къ свободѣ преподаванія въ худшихъ условіяхъ, нежели пока еще проблематической преподаватель философіи: если относительно послѣдняго можно опасаться, что онъ будетъ „подрывать основы“ религіи, то историка можно заподозрить въ томъ, что онъ-де подрываетъ основы политического строя. А вѣдь это еще вопросъ, что у насъ строже охраняется—

основы религії или основы государственного порядка. Говорю это къ тому, что если, какъ думаетъ профессоръ Гиляровъ, вводить въ гимназіи философскую пропедевтику при существующихъ условіяхъ несвоевременно, то, разсуждая постѣдовательно, было бы, при существующихъ условіяхъ, вполнѣ благовременно исключить изъ курса гимназій всѣ тѣ науки, въ преподаваніи которыхъ при существующихъ условіяхъ не можетъ быть полной свободы, т. е. естествознаніе, исторію, литературу. Придется, пожалуй, распрощаться и съ баснями Крылова: вѣдь въ нихъ „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами! Кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки цари“. Но вѣдь это будетъ на руку лишь современнымъ Фамусовымъ... Если же проф. Гиляровъ не рѣшится изгнать изъ современной средней школы исторію, то онъ долженъ допустить туда и философскую пропедевтику: разъ преподаваніе исторіи при существующихъ условіяхъ не оказывается безплоднымъ, то философская пропедевтика несомнѣнно будетъ не разлагающимъ, а освѣжающимъ ферментомъ школьнаго преподаванія. Пусть преподаваніе философіи будетъ происходить въ строго опредѣленномъ направлениі (что, впрочемъ, не только не исключается, но и прямо требуется замѣткой проф. Гилярова, которому претитъ, слѣдовательно, не самая опредѣленность направлениія, а нѣчто другое): и тогда, по требованію философскаго метода, преподаватель будетъ излагать предъ учениками не выводы только, но и доводы, давая тѣмъ самимъ возможность сопоставить выводы съ доводами. Значитъ, сообщая какой-либо выводъ,—допустимъ, неправильный,—преподаватель дасть въ то же время въ руки ученикамъ единственно надежное орудіе для борьбы съ подобнаго рода выводами (это—философская критика), а главное—волей-неволей создастъ въ учащихся такое настроеніе, которое не мирится со всякаго рода догматизмомъ. Въ виду сказаннаго опасенія проф. Гилярова за то, какъ бы преподаваніе въ гимназіяхъ—при существую-

щихъ усlovіяхъ — філософской пропедевтики не оказалось деморализующаго вліяння, представляются намъ крайне преувеличеными. Въ духовныхъ семинаріяхъ на ряду съ психологіей, логикой и исторіей філософіи преподаются начальныя основанія філософіи, — разумѣется, въ определенномъ направлениі, и тѣмъ не менѣе ни одна наука не дѣйствуетъ на юный умъ семинариста въ такой степени не только освѣжающимъ, но и освобождающимъ образомъ, какъ філософія: она пріучаетъ его давать отчетъ въ томъ, что мы готовы принимать на вѣру, взвѣшивать основанія сообщаемыхъ положеній и т. д. Иныхъ результатовъ преподаваніе філософіи и не можетъ дать, лишь бы только оно находилось въ рукахъ не только знающаго, но разумнаго и честнаго преподавателя.

Лишь бы только! Но въ томъ-то, говорятъ, и вопросъ, гдѣ взять знающихъ преподавателей філософской пропедевтики.

Рѣшительно недоумѣваемъ, почему университетскіе профессора (имѣемъ въ виду, помимо г. Гилярова, Г. И. Челпанова, Ю. А. Кулаковскаго) такъ дружно возстаютъ противъ допущенія академистовъ къ преподаванію філософіи въ гимназіяхъ. Вѣдь въ то время, какъ „свѣтская“ філософія у насъ только-что зараждается, академическая філософія имѣеть за собой давнее и —притомъ—почтенное прошлое. Кто знакомъ съ исторіей духовной школы, тотъ знаетъ, что філософіи всегда отводилось видное мѣсто въ системѣ академического образования, и если філософія тамъ преподавалась (и преподается) въ определенномъ направлениі, то что можно возразить противъ этого съ точки зрењія профессора, допускающаго преподаваніе філософіи лишь въ духѣ определенного міропониманія? Можетъ быть, профессору Гилярову не по душѣ то направление, какого держится духовная філософія? По крайней мѣрѣ, онъ, высмѣивая эту, по его словамъ, „почтенную“ філософію, ставить на видъ то, что оно идетъ „стезею духа“. Это —вѣрно, но что же тутъ до-

стойнаго осмѣянія?! развѣ „стезя духа“ такъ чужда философії?! Спиритуалистическое направлениe проходитъ черезъ всю исторію философіи, побѣдоносно выдерживая борьбу съ материализмомъ, теперь, кажется, уже „потерявшимъ свой кредитъ“,—что же зазорнаго въ томъ, что „духовная философія“ идетъ „стезею духа“? неужели такъ постыдно итти рука объ руку съ Кантомъ или Лотце? Или, можетъ быть, итти по стопамъ великихъ спиритуалистовъ прошлыхъ временъ—это такая привилегія, которую проф. Гиляровъ, во-преки исповѣдуемому имъ принципу свободы философскаго изслѣдованія, не находитъ возможнымъ предоставить академистамъ? по почему же? по какому праву? Можетъ быть, наконецъ, дѣло не въ томъ, что академическіе философы держатся *определенного*, именно спиритуалистического, направления въ философіи, а въ томъ, что они держатся его *неискренне, лицемѣрно*? Такое предположеніе было бы самыемъ тяжкимъ обвиненіемъ, какое только можно предъявить другому человѣку (я, по крайней мѣрѣ, не представляю себѣ болѣе тяжкаго обвиненія, какъ обвиненіе въ лицемѣріи). Однако, чѣмъ тяжелѣе обвиненіе, тѣмъ осмотрительнѣе нужно быть въ его предъявленіи: вѣдь у академистовъ не желѣзные нервы, вѣдь имъ тоже больно, когда начинаютъ поливать Ѣдкой жидкостью по наболѣвшему мѣсту. Да, господинъ Гиляровъ, по наболѣвшему, потому что едавали кто претерпѣлъ столько хлестанья и оплеванья со стороны нашего общества, сколько ихъ выпало на долю лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ „духовной“ средѣ. Есть ли у васъ достаточные основанія для того, чтобы наносить этимъ лицамъ новые удары? Вѣдь для того, чтобы обвинить человѣка въ лицемѣріи, надо проникнуть въ душу этого человѣка, надо быть серцевѣдцемъ,—рѣшились ли утверждать, что сокровенные мотивы человѣческихъ дѣйствій такъ же вамъ известны, какъ философія Локка или Юма? „У каждой души есть свой міръ; для каждой души другая душа—міръ по

ту сторону“ (Ницше). Конечно, бывают такие случаи, когда сокровенные мотивы съ достаточную ясностью выступают наружу, и тогда мы получаемъ возможность и даже право судить объ нихъ, но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Какъ бы то ни было, бросать цѣлой общественной средѣ огульное обвиненіе въ лицемѣріи—это, по меньшей мѣрѣ, не... деликатно... Впрочемъ, „кто несправедливо поступаетъ, тотъ несчастнѣе того, кто испытываетъ несправедливость“. Такъ училъ еще Демокритъ...

Професоръ Челпановъ, не склонный затемнять смыслъ своихъ словъ туманной ироніей и грубой издѣвкой, высказывается противъ допущенія академистовъ къ преподаванію философії въ гимназіяхъ на томъ основаній, что академисты съ естествознаніемъ и экспериментальной психологіей совсѣмъ не знакомы, а философію изучаютъ лишь въ качествѣ служанки богословія. Но это не совсѣмъ такъ. Что касается естество-зnanія, то оно въ духовныхъ академіяхъ дѣйствительно не изучается, и это очень жаль, но вѣдь оно не изучается и въ университетахъ на историко-филологическихъ факультетахъ,—значитъ, въ этомъ отношеніи окончившій историко-филологический факультетъ не преимуществуетъ предъ окончившимъ духовную академію. Нѣть при духовныхъ академіяхъ и специальныхъ институтовъ для изученія экспериментальной психологіи, хотя вопросъ объ учрежденіи такого института уже поднимался въ цетербургской духовной академіи; но всѣ ли русскіе университеты идутъ въ этомъ отношеніи впереди академій? Впрочемъ, значеніе экспериментальной психологіи академическими психологами не отрицается и выводы ея отнюдь не игнорируются. Въ доказательство этого достаточно назвать работы профессора Спб. академіи В. С. Серебренникова (напр., о памяти,—помѣщена въ „Христіанскомъ Чтеніи“) и доцента Московской—П. П. Соколова („Факты и теоріи цвѣтного слуха“ въ кн. XXXVII—XXXVIII „Вопросовъ философіи“). Оба профессора въ свое время рабо-

тали въ лабораторії Вундта. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что экспериментъ, даже съ точки зрења Вундта, является лишь вспомогательнымъ средствомъ при изученіи психическихъ явлений, и въ гимназическомъ преподаваніи онъ едва ли займетъ видное мѣсто. Наконецъ, что касается постановки собственно философіи въ духовныхъ академіяхъ, то нужно замѣтить, что философія давно уже обратилась здѣсь изъ служанки въ друга христіанского богословія, и это не мудрено: вѣдь новая западно-европейская философія выросла все-таки въ христіанской атмосферѣ. Конечно, въ академическомъ преподаваніи нѣтъ мѣста *оправданію* такихъ философскихъ направленій, которые носятъ атеистической или противохристіанскій характеръ, но *изученіе* такихъ направленій не только не исключается, но прямо предполагается какъ задачами академического образованія, такъ и наличностью особой каѳедры исторіи философіи. О какихъ-либо стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ въ преподаваніи этой науки, по самому существу дѣла, не можетъ быть рѣчи, но и профессору систематической философіи, обязанному считаться съ принципами христіанского міросозерцанія, за всѣмъ тѣмъ остается много свободы: христіанство вѣдь не опредѣляетъ, какого направленія нужно держаться въ гносеологии—эмпирическаго или раціоналистическаго, представляя разработку гносеологическихъ проблемъ свободной мысли человѣка, и мы находимъ среди академическихъ профессоровъ и раціоналистовъ (въ гносеологии), и эмпириковъ. Разумѣется, кто примыкаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ къ Фейербаху или Ницше, тому не приходится садиться на каѳедру систематической философіи въ духовной академіи. Но вѣдь насильно на академическую каѳедру, какъ и на университетскую, никого не тащать... Вѣрно то, что академические философы отводятъ почтенное мѣсто той отрасли систематической философіи, которая известная подъ названіемъ „философіи религіи“, но это обстоятельство само

по себѣ вовсе не говорить о томъ, что философія является въ академіяхъ служанкой богословія. Еще Гегель высказалъ ту мысль, что философія подобна той записи, которую мы дѣлаемъ въ дневникѣ по окончаніи дня: философія—это отчетъ въ томъ содержаніи, которымъ мы живемъ, и если химикъ Оствальдъ, послѣ специальныхъ занятій химіей, обращается къ построенію философіи природы, а физикъ Махъ завершаетъ свои естественно-научные труды изслѣдованіемъ философскаго вопроса объ отношеніи между физическимъ и психическимъ, то что же удивительного въ томъ, что академической философіи, выросшій въ атмосферахъ религіозныхъ воздействиій, сосредоточиваетъ свои изслѣдованія на философіи религії? Стремленіе дать отчетъ въ содержаніи той вѣры, которая завѣщана отцами, во все времена служило могучимъ стимуломъ философствованія, и не оно было причиной того, что философія сдѣлалась въ средніе вѣка служанкой богословія: само по себѣ это стремленіе освободительное... Если бы философія цѣнилась въ академіяхъ лишь въ качествѣ служанки богословія, тогда можно было бы имѣть ограничиться одной каѳедрой философскаго характера: имѣемъ въ виду каѳедру христіанской апологетики, тогда какъ на дѣлѣ тамъ существуютъ три специально-философскихъ каѳедры: 1) психологіи, 2) исторіи философіи, 3) логики и метафизики. Кромѣ того, тамъ есть каѳедра педагогики, которая издавна дружитъ съ философіей. Правда, духовныя академіи не раздѣляютъ съ университетами права давать ученыя степени доктора или магистра философіи (проф. Кулаковскій особенно подчеркиваетъ это обстоятельство въ своихъ статьяхъ о „проектѣ новаго устава гимназій“, печатавшихся въ декабрьскихъ №№ „Кievлянина“ за 1904 г., какъ будто въ университетахъ философскія диссертациіи представляютъ заурядное явленіе!), но, не говоря уже о томъ, что среди академическихъ диссертаций на богословскую степень не мало такихъ, которыя богаты философскимъ элементомъ

томъ (нѣкоторыя изъ нихъ встрѣтили высокую оцѣнку и со стороны университетскихъ профессоровъ), замѣтимъ, что было бы печальнымъ явленіемъ, если бы научно-литературная продуктивность занимающихся философией лицъ исчерпывалась составленіемъ и представлениемъ официальныхъ диссертаций. Академіи не имѣютъ основанія жаловаться на такое явленіе,—явный знакъ, что философія тамъ и не въ загонѣ, и не въ забросѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что когда идетъ рѣчь о право-способности академическихъ воспитанниковъ въ качествѣ преподавателей философіи, то не слѣдовало бы пренебрегать уроками истории. Дѣло въ томъ, что въ свое время питомцы академій много послужили дѣлу философскаго преподаванія въ университетахъ, и если послѣ 48-го года преподаваніе здѣсь философіи далеко не вездѣ оказалось въ надежныхъ рукахъ, то въ этомъ надо винить не духовныя академіи и не академическую философію, а общія условія того времени. Когда, уже при Александрѣ П., началось возрожденіе преподаванія философіи въ университетахъ, то къ этому дѣлу были привлечены питомцы духовныхъ академій, и неужели г. Гиляровъ рѣшился утверждать, что они пти-тали своихъ учениковъ „умственными отбросами“ или „без-смысленною падалью“?! Неужели на профессора Гилярова вѣяло падалью со страницъ такой книги, какъ „Введеніе въ науку философіи“ протоіерея Сидонскаго, съ 1864 года преподававшаго философію въ С.-Петербургскомъ университете? Неужели представляли „пустомысленную падаль“ лекціи по философіи протоіерея Янышева, читанныя въ С.-Петербургскомъ университете, для слушанія которыхъ собирался чуть не весь университетъ? Киевская академія дала Московскому университету двухъ профессоровъ философіи: метафизика Юркевича и строгаго эмпирика Троицкаго. Такія лица, какъ покойный Влад. С. Соловьевъ и здравствующій Вл. Н. Ивановскій, засвидѣтельство-

вали о заслугахъ Юркевича и Троицкаго въ преподаваніи философії. Впрочемъ, зачѣмъ г. Гилярову стороннее свидѣтельство, когда онъ самъ ученикъ проф. Троицкаго? Его же учениками были А. И. Смирновъ († проф. Казанскаго университета) и ѡ. А. Зеленогорскій (проф. Харьковскаго университета). Н. Я. Гротъ, Александръ Ив. Введенскій (проф. Петербургскаго университета), Н. Н. Ланге (проф. Одесскаго университета) — ученики Владиславлева, питомца Петербургской дух. академіи. Къ Юркевичу примыкаютъ Влад. С. Соловьевъ, а черезъ него Л. М. Лопатинъ, начавшій свою научно-литературную дѣятельность, какъ и Влад. Соловьевъ, на страницахъ „Православнаго Обозрѣнія“, и кн. С. Н. Трубецкой. И Киевскій университетъ, полагаемъ, не забылъ профессора Гогоцкаго, долгое время занимавшаго въ немъ каѳедру философіи и оставившаго весьма замѣтные слѣды своей ученой работы. Послѣ этихъ справокъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ статьи В. Н. Ивановскаго о М. М. Троицкомъ („Вопр. философіи“, кн. 47), какъ-то неловко издѣваться надъ „духовной“ философіей, а утверждать, что питомцы духовныхъ академій не правоспособны къ преподаванію философской пропедевтики въ гимназіяхъ, какъ будто и рискованно: исторія говорить *за* академистовъ, и мы думаемъ, Министерство народнаго просвѣщенія не ошибется, поручивши имъ это дѣло, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока университеты не будутъ выпускать достаточное количество философски образованныхъ лицъ, *чего мы имѣмъ отъ души желаемъ*. Конечно, нельзя утверждать, что каждый академистъ можетъ *съ успѣхомъ* преподавать философскую пропедевтику: для этого, кромѣ философскаго образованія, кромѣ общепедагогического такта и опыта, требуется еще склонность къ философскому мышленію; но вѣдь и не всѣ филологи, прошедшіе полный университетскій курсъ, съ успѣхомъ преподаютъ древніе языки или даже напрѣкъ родной языкъ.

Итакъ, мы приходимъ къ тому выводу, что и при существующихъ условіяхъ философская пропедевтика можетъ быть введена въ курсъ гимназического преподаванія, а такъ какъ желательность такого расширенія гимназического курса вѣдь всякою сомнѣнія, то и не слѣдуетъ откладывать этого дѣла въ долгій ящикъ, ссылаясь на „существующія условія“. Сознаніе ненормальности существующихъ условій учебно-воспитательного дѣла должно побуждать всѣхъ друзей подростающаго поколѣнія къ дружной и энергичной работе надъ измѣненіемъ этихъ условій, но никакъ не тормазить хотя бы частичныхъ улучшеній учебно-воспитательного дѣла: вѣдь всѣ недостатки и пробѣлы въ этомъ дѣлѣ *теперь же* отзываются на *живыхъ людяхъ*.

15⁰⁰

НБ НПУ імені М.П. Драгоманова

200017992

Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Того же автора:

Къ вопросу объ отношеніи христіанства къ язычеству. По
поводу современныхъ толковъ о бракѣ. Кіевъ, 1902 г.
Цѣна 30 коп. съ перес.

Выписывать можно изъ Редакціи „Грудовъ Кіевской дух.
Академії“ или отъ автора (Кіевъ, Дух. Академія).
